

Чэн Цянье сложила полотенце из плотной ткани и положила его на белый мраморный настил рядом с источником.

- Не бойся. Расслабься и отдохни немного. - она легонько прикоснулась к голове Мо Цяошэна и мягко потянула ее вниз, на полотенце.

- Верь мне. Я не позволю тебе наглотаться воды.

Она терпеливо гладила его покрытые шрамами плечи, пока, наконец, не почувствовала, как его напряженные мышцы медленно расслабляются.

Чэн Цянье посмотрела на Мо Цяошэна, который мирно лежал в воде. Она также погрузилась в теплый источник и украдкой развязала стягивавшую грудь полоску ткани.

С облегчением вздохнув, она прислонилась к краю бассейна, наблюдая за тем, как, кружась в воздухе, мягко падает вниз осенняя листва.

Лицо, прислоненное к теплому белому камню и прикрытое плотной черной тканью было совсем близко.

- Ах, как уютно. Так спокойно, когда ты рядом. День без сражений - это очень хороший день.

Перед ее глазами стояло таинственное, восхитительное сапфирово-синее сияние. Ясное, без всяких примесей, полное чистоты и искренности, без следа лжи и обмана, точно такое же, как этот человек.

Тишина пустынной горы и весеннее тепло, казалось, заглушили всю суету и жестокость внешнего мира. Несколько дней Чэн Цянье жила подобно страусу в пустыне.

Источник Лунного Духа был поистине волшебным. Раны Мо Цяошэна практически исцелились, он уже достаточно окреп, чтобы ходить.

Путешествующий отряд спустился с западной горы и достиг городских стен как раз в тот момент, когда начало садиться солнце.

Там было много обычных людей и солдат, восстанавливающих городские стены, которые были сильно повреждены войной.

Войска других дворян отправились в путь еще до того, как Чэн Цянье поднялась в горы, так что все эти солдаты здесь были подданными государства Цзинь.

На открытом пространстве за городскими воротами был устроен простой навес для раздачи каши, чтобы обеспечить пищей беженцев, потерявших свои жилища в хаосе войны.

Сейчас они выстроились в длинные очереди перед навесом с кашей, терпеливо ожидая, когда им подадут еду. Хотя эти люди все еще были одеты так же бедно, как и раньше, их глаза больше не были безжизненными.

Потому что у них появилась надежда.

И пусть это была всего лишь миска жидкой овсяной каши для каждого человека, она сразу же

пробудила в них надежду.

Чэн Цянье подняла занавес экипажа, когда их процессия проезжала мимо.

- Господин, это господин.

Солдаты на обочине опустились на колени в знак приветствия.

Те простолюдины, которые получали кашу, тоже один за другим опускались на колени на дороге.

- Это Маркиз Цзинь Юэ. Он так молод.

- Какая наглость! Обращайся к нему "мой господин"!

- Благодарю вас, мой господин, за бесплатную еду.

- Говорят, они предоставят нам временное жилье на зиму.

- В этот раз есть надежда для наших жен и детей.

- Наш Бяньчжоу получил великодушного правителя.

- В последнее время грабежей и убийств стало меньше.

- Мне так повезло, что я в Бяньчжоу.

Звуки разрозненных разговоров разнеслись по экипажу.

Оказывается, Сяо Цзинь и Чжан Фу на самом деле сделали так много дел от моего имени.

В эту эпоху власть имущие могли влиять на судьбы бесчисленного множества людей. Так много жизней, и спасти их или позволить им погибнуть полностью зависело от того, что делали или чего не делали эти дворяне.

Чэн Цянье посмотрела на свои руки, которые могли только музицировать. Значит, у этих рук была и такая сила.

Они проезжали через казармы как раз в то время, чтобы увидеть открытую арену вызова, устроенную в поле.

На арене был знаменитый молодой генерал, который только что принял чей-то вызов.

Он держал двухметровое копье, сделанное из чистой стали и волчьего клыка. Восемь рядов железных шипов плотно располагались на рукоятке, а конец был снабжен треугольным лезвием.

Молодой генерал обладал необычайной силой. Он так доблестно и мастерски орудовал копьем, что его противники не могли оказать серьезного сопротивления, и он до сих пор оставался непобежденным.

Чэн Цянье взглянула на ярко-оранжевую ауру вокруг его тела и поняла, что это был Юй

Дуньсу, которого она продвинула лично.

Поэтому она остановила экипаж и встала поодаль с двумя или тремя спутниками, чтобы наблюдать за битвой, не пугая других зрителей.

Когда Чэн Цянье только переселилась, она полностью полагалась на свое чутье и назначала людей только судя по цвету их ауры. Потом она постепенно уяснила для себя применение этой Системы.

Теперь, стоило ей включить Систему, тела всех живых людей в пределах ее поля зрения немедленно расцветивались слабым светом разных оттенков.

Эти цвета разделялись на "основные" и "эмоциональные". Тело человека всегда было окутано "основным цветом", который был связан с его характером и способностями. Но как только эмоции человека претерпевали сильные изменения, "основной цвет" ауры окрашивался в "эмоциональные цвета", отражающие его внутренние изменения.

Чэн Цянье уже достаточно хорошо понимала "эмоциональные цвета" и в принципе могла их различать.

Больше всего ей был знаком сероватый оттенок, который она часто видела в эти дни. Пока "основной цвет" человека смешивался с этим цветом, он показывал его внутреннее разочарование и презрение.

Всякий раз, когда Чжан Фу смотрел на нее, пепельный "эмоциональный цвет" поднимался от его аметистового "основного цвета".

У Мо Цяошэна, который поклялся ей в верности и преданности, был сапфирово-синий "основной цвет" с золотой каймой "эмоционального цвета".

Золото означало верность, нежно-розовый - любовь и влечение, ярко-желтый - высокомерие, красновато-фиолетовый - боль и страдание, серовато-черный - печаль и смирение...

Чэн Цянье могла понять "эмоциональный цвет", который отображал постоянно меняющиеся эмоции человека, но "основной цвет", который отражал истинную природу человека, был очень сложным и трудным для определения.

В настоящее время она имела об этом лишь приблизительное представление. Например, некоторые люди выдавали себя за грациозных и достойных людей, но их истинная природа была мерзкой и порочной, поэтому их "основной цвет" был соответственно грязным, например, как у Хуа Юй-чжи и Хань Цюаньлиня.

У большинства людей были весьма заурядные "основные цвета", некая тусклая и неясная смесь красок.

Например, люди с дружелюбным и устойчивым характером имели "основные цвета" желтого цвета, смешанного с небольшим количеством черного и зеленого, в результате чего цвет ауры был похож на оливково-зеленый. У некоторых людей с более утонченным характером красный цвет смешивался с небольшим количеством синего. А у некоторых людей, которые были сильными, были фиолетовые цвета с небольшим количеством черного.

Только когда их эмоции сильно изменялись, они обретали яркий “эмоциональный цвет”.

Однако были некоторые люди, обладающие “основным цветом”, который был особенно роскошно ослепительным, чистым и ярким.

По наблюдениям Чэн Цянье за все это время, эти люди обладали некоторыми выдающимися способностями в отличие от других обычных людей.

Например, аметистовый цвет Чжан Фу мог свидетельствовать о его мудром и непростом характере. И в самом деле, он был очень мудрым и несравненным стратегом.

А землисто-красный цвет ауры Сяо Цзиня отражал его мягкий и аккуратный характер.

Цвета ауры большинства знаменитых генералов имели тенденцию быть особо интенсивными и яркими. Например, Фэн Су, генерал рядом с Ли Вэньгуаном, обладал багрово-красным цветом ауры, похожим на бушующее пламя. Другой знаменитый генерал под командованием маркиза Бэйгуна, Гунсунь Нянь, обладал сияющей павлинье-голубой аурой.

Когда эти два генерала сражались, их тела испускали ослепительные лучи света. Чэн Цянье с трудом могла смотреть на них.

Теперь было доказано, что генерал Юй, которого она продвинула, действительно был воином, искусственным в боевых искусствах.

Чэн Цянье смотрела на эту храбро сражающуюся на арене фигуру, которая, казалось, вот-вот воспламенит все вокруг бушующим пламенем, сияющим вокруг его тела, и думала: позже я буду подбирать именно таких людей.

Два офицера стояли в стороне от толпы и тихо разговаривали. Они не заметили Чэн Цянье и остальных, стоявших неподалеку.

- Я слышал, что этот генерал Юй был повышен лично нашим господином, когда он был еще обычным солдатом. Я не ожидал, что наш господин так проницателен.

- Наш господин - влюбчивый обрезанный рукав. Я никогда не видел, чтобы он занимался чем-то серьезным. Не знаю, что больше приглянулось нашему господину, лицо этого генерала или его боевые искусства.

- До вас уже дошли слухи? Я слышал, что господин обменял того доблестного бурого коня, оставленного старым маркизом, на домашнего питомца от маркиза Вэйбэя.

Другой солдат вздохнул и сказал:

- Эх, кто же не знает об этом. - он понизил голос и прошептал на ухо своему спутнику: - Я слышал, что он отправился на западную гору купаться в горячих источниках вместе с двумя красотками.

Не успел он закончить говорить, как увидел, что глаза его спутника выпучились, а потом его тело полетело вперед после удара в живот и ударилось о кирпичную стену.

Солдат не успел среагировать, как почувствовал сильную боль в руке, которая в одно

мгновение была вывихнута, из-за того что ее вывернули и прижали к земле. Пара больших рук сжала его шею, подобно клещам. Всего лишь одно нажатие - и его жизнь оборвется.

Чэн Цянье видела только темную тень, промелькнувшую мимо нее. Он разразился подобно буре, в мгновение ока отправив одного человека в полет, а другого уложив на месте.

Раненый солдат сплюнул кровь и прислонился к стене, а человек, которого душил Мо Цяошэн, захрипел, его лицо побагровело.

Мо Цяошэн посмотрел на Чэн Цянье, все его тело наполнилось убийственной ледяной аурой.

Казалось, стоит только ей кивнуть головой, и он сожмет руки и лишит жизни того солдата.

Как я могла забыть, что океан может быть тихим и спокойным в один миг и холодным и жестоким в другой?

Чэн Цянье вдруг поняла, какая аура у Мо Цяошэна.

- Остановись, Цяошэн. - поспешно сказала она.

Мо Цяошэн отпустил мужчину и вернулся к Чэн Цянье. Он опустился на одно колено и поднял голову, со страхом глядя на нее. Он беспокоился, что его хозяин недоволен его несдержанностью и самовольными действиями.

Чэн Цянье посмотрела в его блестящие глаза, которые еще минуту назад были холодными и полными убийственного намерения.

Сейчас он боится только потому, что ему небезразлично, что я подумаю. По его мнению, человеческая жизнь - это ничего не стоящая вещь. Вдох. Этим вещам можно постепенно научить его позже.

Почему-то в глубине души я все еще немного счастлива. Чэн Цянье в задумчивости погладила себя подбородку. Мои три взгляда на мир, должно быть, уже перевернуты с ног на голову этими древними людьми.

- Встань. Не становись на колени. Их вина не заслуживает смерти, ты уже достаточно наказал их.- Чэн Цянье коснулась головы Мо Цяошэна, заставив его подняться на ноги, и обернулась.

- Почему ты здесь? Разве ты не должен отдыхать в карете? Все хорошо? Твои раны не открылись?

Мо Цяо Шэн покачал головой, опустив взгляд

- Все в порядке, я... я просто никогда раньше не отдыхал так долго после ранения. Кроме того, я просто использовал кулаки. Я не использовал силу ног.

Чэн Цянье обнаружила, что его лицо слегка покраснело.

Такой застенчивый человек, который так мало говорит, неожиданно становится таким непреклонным, когда хочет кого-то убить. Эта жестокая эпоха на самом деле создает такие противоречивые черты человеческого характера.

После такого большого переполоха все обнаружили, что прибыла Чэн Цянье.

Юй Дуньсу прыгнул с арены и первым бросился к ней. Он отбросил копье в сторону, прежде чем опуститься на одно колено и сложить кулаки в приветствии:

- Этот слуга приветствует моего господина.

Его голос был громким и звучным, полным волнения.

О, он хочет, чтобы его похвалили.

- Ты хорошо справился. Не уронил моего лица.- Чэн Цянье начала вести себя по-королевски величественно. - Продолжай прилагать всевозможные усилия, не позволяй другим людям говорить за моей спиной, что я недальновиден.

- Этот слуга будет соответствовать ожиданиям моего господина!

Чэн Цянье взглянула на молодого генерала сияющими глазами. Гордый оранжевый цвет ауры его тела вспыхнул яркой золотой окаемкой.

О! Верность и преданность.

Какой приятный сюрприз.

Отряд вернулся в лагерь.

В ворота правительственного здания входили и выходили бесчисленные занятые люди. Там были чиновники с документами и солдаты с военными припасами.

Все в спешке суетились.

Чэн Цянье почувствовала себя немного пристыженной после того, как несколько дней пряталась в горячих источниках.

Она привела себя в порядок, прежде чем отправиться в зал заседаний. Сяо Цзинь и Чжан Фу что-то тихо обсуждали между собой, когда увидели ее. Они поднялись на ноги и отсалютовали ей, прежде чем поприветствовать:

- Мой господин.

Чэн Цянье почесала себя за нос, чувствуя себя немного смущенной.

- Я только что вернулся в город и увидел, что ситуация в городе уже намного лучше. Вы хорошо потрудились.

Чжан Фу улыбнулся и поклонился в знак приветствия.

- Этот слуга просто выполняет свой долг. Если этот слуга и может чего-то добиться, то только благодаря доверию моего господина.

По мнению Чжан Фу, с этим молодым господином было довольно легко справиться. Все его мысли были написаны на лице, его можно было раскусить с первого взгляда.

Он был посредственен и некомпетентен еще с юности, обладал буйным темпераментом. В последнее время Чжан Фу не знал, стал ли тот немного робким и трусливым из-за обрушившихся ударов судьбы, но этот молодой господин даже льстил и заискивал перед таким слугой, как он сам.

Чэн Цянье посмотрела на Чжан Фу и решила больше не уклоняться от его презрительного отношения.

Она посмотрела Чжан Фу прямо в глаза, указала на стул рядом с собой и прямо высказала свое мнение:

- Я знаю, все, что мне нужно делать, это тихо занимать свое место и не причинять никому никаких неприятностей. Тогда я, по крайней мере, смогу сыграть свою роль в умиротворении людских волнений.

Она использовала два пальца, чтобы провести аналогию.

- Но я думаю, что должен делать больше. Я думаю, что могу сделать немного больше, чем только это.

- Хотя сейчас я ничего не понимаю, мне бы хотелось научиться.

Чжан Фу слегка приподнял брови, на его лице отразилось легкое удивление...

Чэн Цянье повернулась к Сяо Цзиню и искренне поклонилась ему, подняв сложенные вместе руки.

- Брат Сяо, пожалуйста, научи меня. Я готов начать с малого. Позволь мне пойти к городским воротам раздавать кашу.

Сяо Цзинь удовлетворенно взглянул на Чэн Цянье и опустился на колени, чтобы ответить на ее приветствие.

- Мне очень повезло служить такому правителю, как мой господин.